

© 1996 г. Э. Р. ТЕНИШЕВ

НАЧАЛЬНАЯ ПОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЭПОСА «МАНАС»

В статье обосновывается 1000-летнее существование эпоса «Манас» с точки зрения фольклорной, исторической и лингвистической. Приводятся принципы реконструкции языка «Манаса» IX—X вв.

The paper establishes the millenium-long existence of the epos «Manas» from the folklore, historical and linguistic viewpoints. The author cites the principles of reconstructing of the 9-10th-century language used in «Manas».

Касаясь генезиса эпоса «Манас», исследователи прибегают к различным возрастным определениям — древний, много сотен лет, тысячелетний. (В 1990 г. эта тема была затронута и мною.)

Разброс мнений объясняется не только различием теоретических представлений авторов, но и общими особенностями «Манаса» и его истории.

Со времени письменной фиксации «Манаса» Ч. Ч. Валихановым (1856) не исполнилось и полутора столетий, но эпос с незапамятных времен существует в устной форме, в поразительной своим объемом памяти сказителей (до 250 тысяч стихов). Это обстоятельство создает дополнительные трудности в исследовании эпоса «Манас».

Тем не менее каждое из приведенных выше определений, даже эмпирическое «древний», имеет свои резоны.

Будучи несравненной энциклопедией жизни киргизов, эпос «Манас» неотделим от народной жизни. Он тесно, органически вплетен в нее: не только старшее поколение, но люди и других возрастов независимо от рода деятельности знают «Манас», могут по тому или иному случаю привести соответствующие строки из эпоса, верят в чудодейственную силу «Манаса», а профессионалы-исполнители эпоса (джомокчу или манасчи) представляются людьми избранными, заслуживающими глубокое уважение и почет.

Сама тотальность распространения «Манаса» есть свидетельство его большой древности.

Внутренняя мотивировка датировок выводится из материала самого «Манаса». Для большей доказательности она должна быть комплексной, ее три составляющие: фольклорная, историческая, лингвистическая.

Согласно мнению выдающегося знатока западноевропейского и восточного эпосов В. М. Жирмунского, эпос — живое прошлое народа в масштабах героической идеализации и складывается он в ходе этногенеза, в процессе формирования народа [1].

Собственно фольклорная мотивировка заключается в следующем. К древнейшему слою эпической традиции, представленной в «Манасе», восходит, как об этом свидетельствует и эпос других тюркоязычных и монголоязычных народов, архаический тип богатyrской сказки с элементами сказочно-мифологической фантастики в широких рамках VI—XIV вв. [2, с. 78, 90].

Архаическая эпика относится прежде всего к главному герою — прославленному богатырю Манасу и другим действующим лицам, связанным с ним отношениями дружбы или вражды.

Повествование о рождении и детстве Манаса состоит из мотивов, известных в эпосе и сказочном репертуаре других народов. Это — чудесное рождение героя благодаря молитве престарелых родителей, страдающих от своего бесплодия. Мотив имеет аналогии в огузском эпосе «Китаб-и дедем Коркуд», в узбекском «Алпамыше», казахских богатырских песнях. Во сне мать Манаса съедает чудесное яблоко, что символизирует девственное зачатие — мотив, восходящий к эпохе материнского рода. Она же съедает сердце тигра, придающее Манасу мужество и силу. Эпизод отражает представления симпатической магии, рефлексы которой встречаются в казахском эпосе о Шора-батыре и в древнескандинавских сказаниях.

Появляется на свет младенец-богатырь: у нянек не хватает сил его пеленать и они не могут утолить его голод. В раннем детстве он разрушает мазар и избивает дервишей. В. М. Жирмунский отмечает, что подобные «общие места», распространенные в мировом фольклоре, вошли в состав биографии Манаса как обязательные для народного сознания элементы эпической идеализации народного героя [2, с. 36].

Магическое влияние на судьбу героя имеет наречение именем. Эта миссия возлагается обычно на авторитетное лицо. В «Манасе» (варианты С. Орозбакова и С. Каралаева) — это дервиши или святой Хызр, в записи В. В. Радлова — «четыре пророка» (четыре первых халифа — сподвижники пророка Мухаммеда). Сходный мотив можно найти в огузских преданиях (Китаб-и дедем Коркуд) в среднеазиатском эпосе (узбекский «Алпамыш») и в др.

Часто встречающийся мотив в эпосе тюркских народов — воспитание героя пастухом. Он представлен и в эпосе «Манас»: свое детство Манас проводит в семье пастуха Ошпура и даже пасет стада.

Непременный мотив эпических сказаний — проявление богатырской силы в младенческом возрасте (чаще семи или девяти лет). В возрасте девяти лет Манас совершает свой первый подвиг — расправляется с угнетателями калмыками.

Мотив сватовства Манаса к девице Санирабиге (в дальнейшем Каныкей досл. Ханушка) развивается по типу сказаний о героическом сватовстве. Он получил отражение в записи Ч. Ч. Валиханова и частично сохранился в записи В. В. Радлова и варианте С. Орозбакова. В варианте С. Орозбакова у Манаса происходит столкновение с невестой на брачном ложе, заканчивающееся побоищем. Эта драматическая сцена относится к распространенному сюжету укрощения богатырской девы, который встречается в эпосе тюркоязычных народов: казахском «Кобланды-батыр», огузском «Китаб-и дедем Коркуд», узбекском «Алпамыш».

Личность богатыря Манаса украшена сказочными чертами: нос подобен целому холму, переносица — горному хребту, борода, как колчан для стрел, и т. д. Манасу свойственна магическая неуязвимость. Одним своим видом Манас ужасает врага и обращает его в бегство.

Главными помощниками Манаса во всех сражениях являются богатырский конь (Аккула), чудесный меч (Ачалбарс) и ружье (Аккелте), отражающие эпические реалии. Верная опора во всех героических делах — легендарная дружина «Кырк чоро» (сорок бойцов), магическое число сорок широко известно в фольклоре тюркских народов.

Само имя «Манас», не имеющее до сих пор удовлетворительного объяснения, является органической частью тюркской традиции. По звуковому составу имя Манас подобно эпическому имени Алпамыш, огузская версия которого восходит к X в., а алтайская версия (Алып-Манаш), имеющая сходные черты в монгольских сказаниях, к VI—VIII вв. В связи с этим В. М. Жирмунский справедливо указывает, что «...совпадение имени (может быть, нарицательного, как прозвище богатыря) само по себе является указанием на древность киргизской эпической традиции: алтайский «Алып-Манаш», перенесенный огузами в Среднюю Азию, в VI—IX вв., должен был до этого времени находиться в непосредственном соседстве с киргизским «Манасом», бытовавшим в верховьях Енисея» [2, с. 79].

Черты архаической эпики изображения личности Манаса перекликаются с аналогичными у его верных помощников. Так, в биографии богатыря Алмамбета фигурируют чудесное зачатие, наречение имени пророком Хызром или неким дервишем, ранние боевые подвиги.

Биография богатыря Чубака содержит те же традиционные черты: чудесное происхождение, наречение младенцу имени Хызром, озорное детство, ранние боевые подвиги, одаривание героя покровителем-святым подарками — конем и оружием.

Перечисление сказочных эпических черт в эпосе «Манас» этим не ограничивается: более подробное изложение дано в работах В. М. Жирмунского [2], Р. З. Кыдырбаевой [3], С. М. Мусаева [4].

Набор типовых эпических признаков «Манаса» в сравнении с таковыми в эпосе других тюркских народов позволяет отнести ранний период киргизского эпоса к IX—X вв.

Но героико-эпическая сказочная архаика не является доминирующей частью эпоса «Манас» ввиду того, что «Манас» — типичный героический эпос, где в формировании сюжета определяющую роль играли исторические предания, которые в своей основе имели реальные исторические события.

Историческая мотивировка раннего периода сложения «Манаса» представляется наиболее реалистичной.

В. В. Радлов проникательно писал: «...необходимы три условия для того, чтобы поэтом мог быть составлен истинный народный эпос. Во-первых, он должен быть членом народа, имеющего врожденную склонность к произведению эпических песен, из которых с течением времени с помощью великих исторических событий может выработаться настоящая эпика» [5, с. XXIII]. И далее: «Цель эпоса не состоит в описании исторических событий, но в создании идеального мира, в котором отражается народное сознание со всеми своими воспоминаниями и идеалами» [5, с. XXV].

Можно полагать, что основу сюжета эпоса «Манас» составляют периоды наибольшей активности киргизов в борьбе за независимость — соответственно VIII—X и XV—XVII вв. Наиболее поздний период (с XVII по XIX в.) по мысли В. М. Жирмунского определил собою мусульманизацию эпоса [2, с. 91].

Наиболее трудным для анализа представляется ранний период — VIII—X вв. В этот период киргизский народ вел напряженную борьбу не всегда с успехом против захватнических тенденций вначале восточнотюркского, позднее (с 745 г.) древнеуйгурского каганата. Драматические события двух этапов получили отражение в орхон-енисейских надписях руническим шрифтом (VIII—XII вв.).

В 14-й строке большой надписи «Памятника в честь Кюль-Тегина» говорится, что «киргизы, курыканы, отуз татары, кытань и татабы все были [тюркам-тугу] врагами». Строки 35, 36 той же надписи содержат описание сражения, неудачного для киргизов: «...мы разбили киргизский народ, когда он спал, с их каганом мы сразились в черни Сунга (...) Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли» [6, с. 22, 25, 30, 32, 38, 41].

В «Памятнике в честь Тоньюкука» строки 20 и 28—29 также посвящены киргизам и боевым действиям против них: «Но больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган» (строка 20) и «На киргизов мы напали во время сна их [и] проложили путь копыями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану и повиновался ему» (строки 28—29) [6, с. 58, 62, 63, 67].

Строка 22 «Памятника Моюн Чуру» содержит повелительную фразу: «К киргизам он послал людей [со словами]: Вы выйдите из союза [т. е. поднимитесь к восстанию]» [7]. Собственно киргизская надпись «Памятника о сыне киргиза» из Суджи повествует о борьбе киргизов против уйгуров. Первая и вторая строки надписи: «Ujŋur jurinte Jaŋlagar qaп ата kältim. Qyŋŋuz oŋlumaп» — вызвали полемику, не закончившуюся до сих пор. С. Е. Малов дал следующий перевод: «Я, Яглакар-хан-ата, был пришелец в уйгурской земле. Я — киргиз» [8].

А. Н. Бернштам то же самое перевел по-другому: «В землю уйгуров Яглакар-хан, отец мой, пришел. Я киргизский сын» [9]. А. Н. Бернштам отождествлял Яглакар-хана с Манасом и составил целое жизнеописание Яглакар-хана без достаточных оснований [9], вызвав огонь критики С. Е. Малова [9, с. 85—90]. Далее появились последователи того и другого взглядов. В 1988 г. Луи Базен опубликовал свое толкование данной строки: «Я пришел из страны уйгуров, застрелив Яглакар-хана» [10]. В трактовке этого текста из Суджи остается неизвестным имя владельца надписи, что весьма странно, ведь он так популярен, что «слухи и расспросы о нем достигли до восхода и захода солнца» (строка 4—5). Имя должно быть указано, следовательно, подлежащим в первой строке надо считать Яглакар-хана. Слово *яглакар* является названием одного из родов сарыгюгуров [11], что несомненно привнесено в сарыгюгурский из древнекиргизского языка. Ту же строку можно читать так: «Я, Яглакар-хан, воевал в земле уйгуров». Дело в том, что исследователи не обратили внимания на аналитический глагол *at-a-käl-* с видовым значением непрерывности действия: 'постреливать или воевать'. Такого типа глагол встречается и в древних, и в современных памятниках и языках. Для обозначения военных действий еще употребляется глагол *sülä-*, но он встречается в крупных орхонских текстах высокого стиля со значением 'воевать; ходить с войском, идти в поход' [12]. Значение слова *jaŋlaqar* раскрывает его состав: основа *jaŋula-* 'воевать, сражаться', дословно — 'проявлять вражду' (встречается в рунических и древнеуйгурских текстах) [12]) + афф. медиального залога *q* + афф. причастия настоящего времени -аг. Общее значение целого — 'воинственный'. В роли собственного имени слово легко укладывается в смысл первой строки надписи.

Остается невыясненной внутренняя форма апеллатива *манас*. Объяснение его происхождения из сирийского *мани* 'вождь, учитель' или от названия горного хребта (от Тибета до Алатау) *Маниса*, от названия ли горы Манас (на границе Чаткала и Таласа) или реки Манас (на севере Синьцзяна) не является достаточно обоснованным [13]. Необходимо продолжать поиски новых объяснений.

Но если обратиться к другим именам главного героя эпоса (иранским по происхождению) *Жоокер* 'воин, воинственный'; *Сердар* 'военачальник', то по значению они эквиваленты *Яглакару*. Пока не решена главная задача — соотношение имен *Яглакар* = *Манас* — рано говорить о каких-либо связях надписи Яглакара с эпосом «Манас».

Военные столкновения киргизов с тюрками-тугу и уйгурами не могли не отразиться в эпосе «Манас».

В тексте «Манаса», записанном от манасчи Ибраима Абдырахманова, в эпизоде, повествующем о рождении и детстве Манаса, есть мотив «расправы Манаса с одиннадцатью лазутчиками уйгурских правителей, напавшими на его отца», а в эпизоде «Большой поход» Манаса на Бейджин — мотив «показ Алмамбетом киргизам с горы Тал-Чоку... земли уйгурского хана с городом Бейджином» [14]. Итак, страна уйгуров со столицей Бейджин (Бейтин) ~ Беш-Балык, расположенной на северо-запад от современного Урумчи [15, 16]. Термины Бейтин и Беш-Балык встречаются в письменных источниках, но возможно ли влияние их на эпос «Манас»?

Замечание А. Т. Хатто, переводчика на английский язык «Сказания о Кокетай-хане», что рукопись «начисто была выписана из летописи, которая теперь утрачена» [17], дает утвердительный ответ на поставленный выше вопрос, пока совершенно новый в отношении эпоса «Манас». В паре Бейджин — Бейтин исходной единицей является второе слово. В уйгурской среде, подверженной влиянию китайского языка и культуры, слог *ти/ди* произносился: *джи*, как в саларском и сарыг-югурском языках. Вариант Бейджин от уйгуров был усвоен древними киргизами, а от них попал в эпос «Манас». Вследствие этого Бейджин — не городок на севере Китая [17] и не столица его Бэй-цзин (Пекин) [19]. Что касается фантастически долгого пути до Бейджина — это обычное

эпико-героическое клише. В связи с этим является правдоподобным замечание М. Ауэзова, что «наряду с этими надписями [т. е. орхонскими.— Э. Т.] должны были возникнуть и существовать в народе песни, где опоэтизированы те же события, которые изложены в тексте на камне, и передаваться из поколения в поколение» [20].

В дальнейшем на древнюю историческую первооснову эпоса стали влиять события более поздних эпох XV—XVII вв., связанные с новым историческим фоном войн киргизов с ойратами. Сюжеты старого уйгуро-тюркского цикла стали размываться, вместо них в эпос постепенно проникали другие события и герои, известные эпосу среднеазиатских народов, в особенности сказания ногайско-казахского цикла.

Эта динамика эпоса разработана с достаточной полнотой и тщательностью В. М. Жирмунским [2, с. 71—76].

Таким образом, исторические основания позволяют датировать самый ранний период формирования эпоса «Манас» VIII—XII вв.

Наконец, о лингвистической мотивации начальной эпохи формирования эпоса «Манас».

Язык енисейских эпитафий киргизов VIII—XII вв. по природе своей представляет собою ритуальный стиль рунического литературного языка. По классификационному признаку он принадлежит к группе d-языков (adaq ħoġa', qod- 'положить'). Функции его были ограничены. Но одновременно с ним существовал язык устного общения киргизов, который относился к другой классификационной группе, что вполне согласуется с теорией литературных языков. Но как определить язык, если о нем нет никаких сведений, свидетельств? Необходим поиск. В данном случае решению вопроса помогло открытие языка киргизов провинции Фу Ю (КНР), относящегося к группе z-языков (azaq ħoġa', qoz- 'положить'). Язык фуюйских киргизов дал представление об устном языке енисейских киргизов и лег в основу его реконструкции с привлечением материала других языков этой группы. В результате восстановительной процедуры язык древних киргизов предстал в следующем виде: в начале слов — звук *ʒ*, в середине имен и в конце глагольных основ — звук *z*, в конечной позиции слов — звуки *γ* заднеязычное и *g* переднеязычное (не дифтонги и не долготы, как в современном киргизском языке); склонение имен и система времен совпадают с современным киргизским языком [21].

Это был язык коммуникации и вместе с этим — произведений народного творчества.

Как пример реконструкции текста можно привести фрагменты из эпоса «Манас».

1. Текст

Атаке неге кайгырдың?
Акылыңдан айрылдың,
Алты суу толгон мал кылдың,
Алганыңды дал кылдың.
Кыйналбагын дүйно үчүн,
Кылымдын малы табылар!
(«Манас», кн. 1, М., 1984, строки 504—509)

Перевод:

Зачем ты печалишься, батюшка,
Или помутился разум твой?
Шесть речных [долин] ты заполнил скотом,
Расстроил ту, которую [в жены] взял.
Не печалься из-за мирских забот,
Богатство всего света найдешь!

Реконструкция

Atake nege qazırdıy?
biligiriden azırdıy,
Altı suı toıyon mal qıldıy,
Alıanyndı dal qıldın.
Qınalbaıyn aızın ücün,
Qılymdın maly tabıylar!

II. Текст

Жогоо кийчйүү жарагын
Баарын кийди карагын.
(«Манас», кн. 2. М., 1988, строки 1465—1466).

Перевод

Боевые доспехи свои.
Все надела, посмотри.

Реконструкция

žavɣa kizčux žaraɣyn
baaryn kizdi qaraɣyn.

В последний период тюркского праязыка к началу нашей эры сформировались региональные группы диалектов, которые дали начало современным тюркским языкам. Из группы *z* выделился древнекиргизский, который получил возможность самостоятельно развиваться. Он обслуживал общение внутри семьи, рода, межродовые контакты и среду устного народного творчества. К VII—X вв., к периоду орхоно-енисейских памятников, на древнекиргизском языке существовали эпические песни и сказания. В XII—XIII вв. под давлением враждебных племен киданей и найманов киргизы двинулись на запад. В процессе миграции они вступали в контакты с различными народами, в том числе с тюркскими, языки которых были кыпчакского типа. Длительное время киргизы находились на Алтае и взаимодействовали с тюркоязычными алтайцами, при этом киргизский язык что-то приобрел, что-то утратил. Ослабли примарные признаки; сократилось число слов со звуком «z» в середине и конце слов, в конечной позиции вместо звука «γ» начали образовываться дифтонги. В это время часть киргизских племен удалась на юг и переселилась в район озера Лобнор, унеся с собой образец языка среднего периода (современные лоптуки-лобнорцы).

В XIV—XVI вв. киргизы расселяются по Тянь-шаню, оставляя на востоке Иссык-Куль.

Киргизский язык приобретает современный вид с национальным литературным языком и системой диалектов.

Конечный «γ» развивается из дифтонгов в долготу, а срединный и конечный «z» почти полностью сходит на нет, сохраняясь как реликт в топонимии: Yzyq köl (совр. Ысык Көл) 'Священное озеро' [22], Yzyq Ata (совр. Ысык Ата) 'Святой отец' и Žazyq Bel 'Просторный перевал' [23].

Слово yzyq входит в ряд uɣyq — uɣyq — utyq 'святой, священный', а Žazyq соответствует современному жайык 'широкий, просторный'.

В словарном составе эпоса «Манас» следует ожидать немало лексических архаизмов со звуком «z» в средней или конечной позициях.

Единичная пока находка в эпосе этнонима azyq 'медведь' [24], входящего в тот же звукоряд aju — aɣyɣ — aɣyɣ — atyx обнадеживает. То же самое соображение распространяется и на слова с конечным звуком «γ» в лексиконе эпоса — наличие их тоже реально.

Надо найти эти слова, но это большая работа. Она выполнима, если поставить целью составление словаря эпоса «Манас» и одновременно его грамматику. Отсутствие таких фундаментальных работ является помехой на пути исследования киргизского языка. А это — труд целого коллектива, быть может, особого Института Манаса.

На основании сказанного можно полагать, что и по лингвистическим основаниям истоки эпоса «Манас» можно отнести к VIII—X вв.

Суммируя все рассуждения, следует полагать, что по фольклорным, историческим и лингвистическим данным начальная эпоха сложения эпоса «Манас» приходится вполне определенно на IX—X вв.

Это время в истории киргизского народа справедливо названо В. В. Бартольдом периодом «киргизского великодержавия», это был период, когда киргизы достигли наибольшего могущества, полной независимости и имели все основания воспевать свои достижения в народной поэзии.

Пример эпоса «Манас» показывает, что необходимо иметь несколько предпосылок для начала формирования эпоса: наличие «богатырской сказки» (В. М. Жирмунский) с фондом выразительных средств; крупные исторические события и яркие деятели; достаточно развитый язык и четкое национальное самосознание, в особенности — у народных певцов-сказителей.

Этот критерий можно приложить к любому эпосу, существующему в устной форме или с небольшим периодом его письменной фиксации, например, к бурятскому эпосу «Гэсэр» или к калмыцкому «Джангару». Исследователи, касаясь начальной поры зарождения этих произведений, исходят в общем из тех же предпосылок [25, 26].

Несколько другое положение в западноевропейском героическом эпосе, который сохранился почти только в книжной форме, хотя и возник в недрах народного творчества [27]. Период формирования его X—XIII вв. Нет необходимости особо выяснять время зарождения эпоса. Оно вполне конкретно. Так, древняя и лучшая редакция французского эпоса «Песнь о Роланде» относится к середине XI в., знаменитый немецкий эпос «Песнь о Нибелунгах» окончательно сложился около 1200 г., замечательный памятник испанского эпоса «Песнь о моем Сиде» сформировался немного раньше — около 1140 г. [27, с. 516—530]. В основе этих произведений лежат исторические предания, опирающиеся на конкретную историческую основу. Вопрос вхождения исторических сведений в эпос настолько интересен, что привлек внимание французского историка Марка Блока, который историзму «Песни о Роланде» посвятил целую главу в своем сочинении «Апология истории» [28].

«Мера историзма», о которой писал, анализируя тюркоязычные эпосы, В. М. Жирмунский, в западноевропейских эпосах, опирающихся на исторический факт, очень высока.

В. М. Жирмунский блестяще применил свой критерий в определении историзма эпоса «Манас», показав большую долю историзма в ногайско-казахском цикле сравнительно с уйгурским. Но и уйгурский цикл не может быть полностью отброшен: как было показано выше, в нем тоже есть «мера историзма», которой не только не следует пренебрегать, а, напротив, продвигать вперед новыми исследованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Л., 1962. С. 195.
2. Жирмунский В. М. Введение в изучение эпоса «Манас» // В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
3. Кыдырбаева Р. З. Генезис эпоса «Манас», Фрунзе, 1980.
4. Мусаев С. М. Эпос «Манас», Фрунзе, 1985.
5. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым. Ч. V. Наречие диких киргизов. СПб., 1885.

6. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
7. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 32, 36, 40—47.
8. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952. С. 84—85.
9. Бернштам А. Н. Эпоха возникновения киргизского эпоса «Манас»//Сборник «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968. С. 169.
10. Bazin L. L'inscription Kirghize de Suji (Essaie d'une nouvelle lecture)//Documents et archives Provenant de l'Asie Centrale. Actes du Colloque Franco-Japonaise. Kyoto, 4—8 Octobre 1988; егo же. Basrangicindan bugüne kadar Türk yazı dili//Firat Üniversitesi Dergisi Sosyal Bilimler Elazig, 1988. Cilt 2, sayı 1.
11. Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957. С. 34; Э. Р. Тенишев. Строй сарыягурского языка. М., 1976. С. 181.
12. Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 517.
13. Бернштам А. Н. К происхождению имени Манас//Сборник «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968. С. 177—191.
14. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 1. М., 1984. С. 481—482.
15. Chavannes E. Les pays d'Occident l'après le Wei-liu. T'oung Pao. Paris, 1905. Ser. II. V. VI. S. 553, 558.
16. Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествий в Западный Край. Т. III. СПб., 1907. С. 274—279, 281—283, 286, 313, 467.
17. Батояров К. Английское издание эпоса «Манас» (текстологические аспекты)//Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982. С. 220.
18. Өмүр С. «Манас» эпосундагы «Бейжин» жөнүндө//Кыргыз руху «Манас». Бишкек, 1995. С. 102—103.
19. Абдылдаев Э. О топониме Бээжин в эпосе «Манас»//Эпос «Манас» и эпическое наследие народов мира. Бишкек, 1995. С. 78—79.
20. Ауэзов М. Киргизская героическая поэма «Манас»//Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961. С. 63—64.
21. Тенишев Э. Р. К вопросу о происхождении киргизов и их языка//Советская тюркология. 1989. Т. 4. С. 3—17.
22. Умурзаков С. С четырех сторон горизонта. Фрунзе, 1983. С. 44—49.
23. Исаев Д. И., Токомбаев Ш. Т., Алиев З. А., Мурзахметов С. М. Кыргызстандагы географиялык аттардын сөзлүгү (долбоор). Фрунзе, 1962. С. 99.
24. Орузбаева Б. О. О собственных именах в эпосе «Манас»//Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. С. 78.
25. Уланов А. И. К вопросу о происхождении «Гэсэра»//«Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990. С. 30—31.
26. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». М., 1992. С. 4—5.
27. Мелетинский Е. М. Народно-эпическая литература//История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984. С. 459.
28. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 155—164.